

Сергей ВАСИЛЬЕВ

г. Петрозаводск

Что такое «га»?

Прошло уже более девяти тысячелетий, как после окончания ледникового периода на территории современной Карелии и прилегающих к ней областей появились первые поселенцы. И пути их миграции из более тёплых краёв проходили по самым доступным для продвижения – водным маршрутам. С юго-востока – через реки Северную Двину, Онегу, с южного и юго-западного направления – через Неву, Ладогу, Свирь, Онежское озеро и далее на север.

С тех пор сменилась не одна историческая эпоха, а с веками и этнический состав населения. Самых древних людей, которых мы сейчас определяем одним общим названием – протосаамы, сменили саами (лопари), позднее их вытеснили далеко на север или ассимилировали другие финно-угорские народы – вепсы, карелы, сумь, емь, современные финны. А в конце первого – начале второго тысячелетия наш северный край стал активно заселяться славянскими, русскоязычными племенами.

Первые поселения возникли преимущественно по берегам рек и озёр. И названия этим водоёмам тоже давали первопоселенцы. Но сохранились ли те названия до нашего времени?

Однозначно можно сказать, что при смене этнических пластов топонимы в значительной степени также претерпевали изменения под более понятное для каждого народа значение. Этот процесс происходит и в наше время. Так, в Карелии двусоставные названия озёр, совсем ещё недавно по историческим меркам имевшие карело-финское окончание *-ярви* или саамское *-явр*, что означает «озеро», практически превратились в двуязычные, так называемую «полукальку», где *озеро* уже звучит по-русски (например, *Водлозеро*). А топонимы, схожие по звучанию с русским языком, «ассимилировались» – *Соломенное* (*Салмен-ое*), *Деревянное* (*Тервяйне-ое*), *Белозеро* (*Пелль-озеро*), *Боярская* (*Пайявр-ское*) и т.д. Логично допустить, что подобная трансформация имела место и в более раннее время при смене других языковых групп.

В то же время можно с уверенностью утверждать, что до наших дней сохранилась и часть самых древних топонимов. Это названия многовековых поселений или очень крупных водоёмов, на берегах которых одновременно в какой-то переходный исторический период могли проживать разные этносы. Им для общения удобнее было употреблять сложившиеся, хотя уже и не совсем понятные для новых поселенцев названия.

Как правило, такие топонимы относятся к субстратной лексике и не поддаются переводу с помощью более современных языков – финского, карельского, вепсского, саамского.

Одним из признаков, указывающих на древность топонима, служит морфема «га», которая присутствует в качестве форманта во многих гидронимах. На «га» оканчиваются названия большого количества рек и некоторых озёр. При более глубоком изучении этих топонимов выясняется, что немалое их количество располагается на территории древнего расселения саамов – от берегов Балтики до Баренцева моря и до Архангельской, Вологодской областей на востоке.

Есть основания полагать, что это «га» саами осознанно, т.е. понимая значение слова, позаимствовали у более древнего народа и долго применяли в сложных топонимах, наряду с появившимися другими саамскими гидронимами, оканчивающимися на *ой, оя, уя, ай, уай, вуай, вуэй* (река, небольшая река, ручей), или на *йок, йогк* (большая река).

Интересно, что «га» лопари применяли к рекам разного размера – от ручьёв и до таких крупных, как *Варзуга*. Вероятно, что множество новых гидронимов появилось позднее, с возникновением потребности уточнения размера или характера реки.

Подтверждением древнего происхождения форманта «га» может служить тот факт, что названия рек, оканчивающихся на «га», можно встретить по всей центральной и северной европейской части России, и даже далеко за пределами обитания саамов. Это реки *Пинега, Молога, Ветлуга, Вятка (Вятга), Ока (Ога), Вашка (Вашга), Свяяга, Елабуга*, ну, и конечно, *Волга-матушка*. Таким образом, «га» в саамской лексике надо рассматривать как элемент субстратного пласта.

Ладога – наследие саамов

В топонимике формант «га» признаётся детерминантом, указывающим на речную принадлежность гидронима, но, наряду с реками, мы знаем и озёра, названия которых тоже оканчиваются на «га». Эти озёра хорошо всем известны –

Ладога и Онега (Онего). Так имеется ли в этих названиях какая-то связь с реками?

Начну с Ладоги. Для краткости не буду ссылаться на источники и даты, коих достаточно в информационном пространстве. Как-то в начале 2000-х гг. я рыбачил на одной из крупнейших рек Кольского полуострова – *Поное*. На этой довольно длинной реке во все времена имелось только четыре селения, из них самое крупное и с многовековой историей – *Каневка*.

Пролетаем на вертолёте эту Каневку и тут же, недалеко от селения, делаем посадку на галечную отмель при впадении небольшой реки. Вылезают из вертолёта два француза, один сразу падает на колени и в молитвенной позе повторяет – альденьга, альденьга, альденьга.

Спрашиваю у гида – о чём это он? Оказывается, француз три года назад здесь уже был, и вот мечта попасть ещё раз сбылась. А так он в молитве приветствовал это место – речушку *Альденьга* – первый приток Поноя со стороны Каневки вверх по течению. Благодаря такой яркой картинке я хорошо запомнил название этой реки, но переводом тогда, ввиду малозначительности объекта, не занялся.

А через несколько лет я смог прочесть книгу «Народы Карелии. История и культура», написанную доктором исторических наук Светланой Ивановной Кочуркиной. В работе была ссылка на древнескандинавскую сагу, где шведы называли город, известный нам сегодня как *Старая Ладога, Альдейгьуборгом* (Петрозаводск, 2004, с.34).

В памяти сразу всплыло – Альденьга! Быстро выяснил: *алльт* по-саамски – это «близко», «рядом». Значит, *Алльт-еньга* – Ближняя речка. Так и есть – первый, ближний от древнего поселения, не ручей, а полноценный приток Поноя размером с реку.

В скором времени я нашёл возможность посетить Старую Ладогу, которую до этого всегда проезжал мимо по трассе. Первым делом направился в музей – Староладожскую крепость, одну из трёх крепостей – оплотов Великого Новгорода, расположенную на берегу не менее великого Волхова.

В большом холле увидел огромную историческую карту периода начала строительства крепости. Сердце сразу порадовало истинное название Ладожского озера тех времён – *озеро Нево*. Ищу экскурсовода и задаю вопрос – а у вас тут нет ли речки под названием, похожим на Альденьгу? Да, есть, – отвечает, – вот у самой крепости, *Ладожской* называется.

Приехав домой, я сразу начал изучать историческую литературу, из которой выяснил, что Альдейгьуборг имеет место не только в шведской, но и в норвежской саге, что шведы владели городом

ещё до прихода русских. А кто был до шведов? И есть ли следы саамов? Найти такие следы дело почти безнадежное – за тысячу лет интенсивного заселения этих мест выходцами с Новгорода не только саамский след, но и последующие – карельский и вепсский почти что стёрлись. А те немногие финно-угорские топонимы уже так искажены, что определить, где саамский, а где карельский, почти невозможно. Других археологических свидетельств присутствия саамов уже, как говорится, давно и след простыл.

Но кто ищет, тот всегда найдёт! И не просто какой-нибудь спорный топоним, а этноним – самое что ни на есть верное свидетельство со стороны русских поселенцев о проживании здесь лопарей, или лопи, как чаще их называли.

Почти что напротив крепости, на другом берегу Волхова находится деревушка с русским названием *Лопино*! А раз название деревня получила из-за проживающих здесь лопарей, значит, саамы могли жить и где-то неподалёку. А где лучшее место для рыбаков-охотников? Конечно, у впадения в Волхов какой-нибудь речки, в устье которой намного проще ловить рыбу, чем в большой реке. А как они могли назвать такую речку, ближнюю к их поселению? Так и назвать – Ближняя, то есть Альдейга (Альтей-га). И пример такой уже имеется – река Альденга у селения Каневка на реке Поной.

В те времена материальных ресурсов было мало, поэтому зачастую средневековый люд предпочитал воспользоваться чужим имуществом, а не самим создавать материальные блага. Воинственные шведы не были исключением и, надо полагать, при первом знакомстве с лопарями воспользовались тем, что саамы успели возвести и нажать на этой земле. По некоторым другим источникам, выше по течению уже были пороги, и дальше от озера шведам было сложно проходить на больших судах.

А посему, как говорил Пётр Первый, «здесь город будет заложен». Не мудрствуя лукаво, шведы вместе с имуществом «приватизировали» и название местечка, а вернее, впадающей рядом речушки, добавив к её названию приставку «город». Получилось – Город на Альдейге. Думаю, учитывая, что практически весь север Швеции в то время был заселён лопарями, саамское название реки было шведам понятно и вполне их устраивало.

Но недолго хозяйничали шведы на озере Нево и Волхове. На их место пришёл русский люд, повторив всё то же самое. Да вот с названием городишка незадача вышла – трудно оказалось русскому человеку выговаривать доставшееся в наследство незнакомое слово Альдейгьборг. Да и

патриотические чувства, наверно, не в пример основателю города на Неве, не позволили заимствовать вражеское слово «*бьорг*»! Назвали просто – Альдейга, как и речка. Да вот опять язык сломаешь – как-то всё на Ладугу просится, что и прижилось со временем в названии города. А речку, чтобы название с городом не путать, учитывая её размеры, превратили в Ладожку.

Такого же мнения придерживается и Г.М.Керт – известный учёный-топонимист. Так, в книге «Загадки карельской топонимики» (Петрозаводск, 1982, с.59) он пишет: «*То, что слово Ладога возникло из Алдога путём метатезы (перестановки звуков), ни у кого из учёных не вызывает сомнения. Действительно, в древнерусском языке при заимствовании было закономерно образование «лад» из «алд»*» И такие метаморфозы со звуками «л» и «д» на Руси не единственные. Так, некоторые лингвисты считают, что славянское имя Владимир происходит от германского Вольдемар. При этом смысл обоих имён примерно одинаков.

А что же произошло с названием озера Нево? Окрепла, усилилась Ладога-город. Ладожские купцы, а не шведы-варяги стали хозяйничать на Нево. И всё чаще озеро стали называть, как им принадлежащее – Ладожским. Тем более что название Нево, доставшееся русским людям также по наследству, было уже не очень-то и понятно. И опять-таки есть подобные исторические примеры – море Балтийское когда-то русские люди звали Варяжским, ну а когда время варягов закончилось, стали звать по новым хозяевам – балтам, то есть Балтийским морем. А Ладожское, как и Балтийское, со временем для удобства в речевом обращении получило ещё и второе, краткое название *Ладога*, что переводится очень просто – Ближняя речка. Вот такое оно озеро.

Подтверждение этой гипотезы можно найти также в известном Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (<http://bibliotekar.ru/bel/31.htm>): «*В старейших русских летописях Ладожское озеро значится под именем Нево, в договорах новгородцев с ганзейскими городами – под именем Алдея, Альдачен, а некоторыми писателями называлось Альдога. Название Ладожского озера в первый раз встречается в летописи в 1228 г.*». Получается, что до появления гидронима «Ладога» иноземцы уже называли озеро по имени своего когда-то города.

Справедливости ради надо сказать, что существуют и другие версии происхождения названия Ладуги. В журнале «Топонимический альманах» №1(9) за 2019 г. автор статьи «Ладога, Ладужица, Ладожка» М.Ю. Удалов рассмотрел все основные существующие версии и развил самую популярную из них, где Альдога переводится как «нижняя речка» (Ala-djogi).

Автор пытался обосновать понятие «нижний» перепадами по всей реке между порогами. По его версии, около речки Ладожки как раз был такой каменный выступ на дне – на нижнем уровне порогов (С-Петербург, 2019, с.9-11).

Не вдаваясь в подробности, хочу заметить, что в любой реке есть верхний и нижний (устьевый) уровень, но в топонимике нет аналогичных примеров, чтобы по таким признакам называли небольшой приток. Тем более что до самого низа, устья Волхова, остаётся ещё около десяти километров.

Подобный способ исторического становления топонима *Ладога*, а также версию его возможного саамского происхождения высказал филолог, доктор исторических наук А.И. Попов. В книге «Следы давно минувших лет» (Ленинград, 1981, с.91) Александр Иванович пишет: «В данном случае, по-видимому, наиболее вероятной является такая последовательность: 1) прибалтийско-финский или саамский оригинал (нам в точности не известный) названия речки Ладоги в низовьях Волхова; 2) русская передача этого названия (*Ладога*) с последующим переносом на торговый пункт – г. Ладогу; 3) вследствие большого значения города – перенос его имени (*Ладога*) на озеро (*Ладожское*) в новгородской традиции... Что касается объяснения названия речки Ладоги, то оно имеет достаточно выраженный прибалтийско-финский характер, скорее всего, от *Ala-djogi* – «Нижняя речка»».

Такую распространённую версию, как «Нижняя река», известный топонимист предлагает тоже с достаточной степенью осторожности. Вдобавок напрашивается желание сравнить, какое название реки фонетически ближе к слову ладога: саамское Альдейга или прибалтийско-финское Аладьёги? Думаю, что ответ будет не в пользу последнего. Да и городок шведы звали Альдейгьюбьёрг, а не Аладьёгибьёрг, что тоже, согласитесь, ближе к саамской версии. Поэтому я надеюсь, что неизвестный А.И.Попову «саамский оригинал» названия речки Ладожки, предложенный мною, также найдёт своё достойное место среди других версий происхождения названия Ладожского озера.

Нева-Нево. Пути трансформации

Откуда же появилось прежнее название озера – Нево, а также реки *Невы*? Оба названия так созвучны, что с большой степенью вероятности можно предположить – они имеют одну общую основу. Сегодня оба имени различаются лишь ударением и окончанием. Осмелюсь утверждать, что в то время, когда река и озеро получили своё название, таких расхождений ещё не было, разве

что для их отличия озеро имело приставку «озеро», в прибалтийско-финской/саамской версии звучавшее как *ярви/явр*, а река – соответствующую «речную» приставку *йоки/йок*.

Ещё одна существенная особенность этих водоёмов: Нева – единственный исток из Ладожского озера. А для нашего региона весьма характерно то, что названия таких пар (озёр с их истоками) исторически формировались на единой основе. И таких примеров наименования озёр и вытекающих из них рек множество. Дело в том, что в озеро может впадать сколько угодно рек, а вытекает только одна – в самой нижней точке береговой линии. Поэтому общая основа в названиях такой пары – озера и вытекающей реки, была вполне оправдана и помогала древним людям безошибочно ориентироваться на местности.

Для более полной убедительности я изучил топонимию всех крупнейших озёр Карелии в количестве двух десятков. Все они, за редким исключением, имеют с вытекающей рекой общее название. Пример: *Выг-Выгозеро, Сегежа-Сегозеро, Водла-Водлозеро, Янисйоки-Янисярви, Кереть-Керетьозеро, Онда-Ондозеро, Шуя-Суоярви, Лижма-Лижмозеро, Волома-Волома* и т.д. Исключения из этого правила можно отметить только в случае, когда один из водоёмов изменил своё первоначальное название. Пример – карельское озеро *Сямозеро*, в переводе – Саамское озеро (*самь, сямь-озеро*), а вытекает из него река *Сяпся*.

Понятно, что сами лопари озеро именем себя назвать не могли, а такое название было дано более поздними пришельцами, вероятно, карелами – видно, уж очень много саамов проживало на этом богатом рыбой водоёме. А озеро могло иметь первоначальное название, похожее на *Сяпсявр*, как и вытекающая река *Сяпся*, что переводится, я уверен, как *Сиговая река*. Ещё совсем недавно с Онеги в Сяпсю заходило много крупного сига, и рыбаки могли похвастаться хорошими уловами этой ценной лососёвой рыбы. Сиг по-саамски звучит примерно как «шаб» или «шаш», хотя через русскую букву «ш» передавать звучание этого слова не совсем корректно – должно быть шипящее где-то между «ш» и «с».

Трансформация *шапш* в *сяпсь* удивления не вызывает – переход звука «ш» в «с» или наоборот в карельской топонимии дело обычное – какие народы как говорят. Так, слово «остров» финны произносят как *саари*, ближе к «с», а вот, к примеру, сегозерские карелы – как *шаари*, через «ш». Но и на самом Сямозере, где-то в километре от истока Сяпси, есть мыс под названием *Шапнаволок*!

Ещё одним «псевдоисключением» из правила парного наименования можно назвать тот случай, когда крупные озёра являются частью водохранилища. Любители карельской рыбалки, часто посещающие такое крупное озеро, как *Пяозеро*, могут спросить – а где же вытекающая река *Пяя*? Ответ несложен. Водоохранилища имеют в своём составе несколько озёр. Так, *Пяозеро* входит в систему *Кумско-го водохранилища*, в котором присутствует ещё одно крупное озеро – *Топозеро*, а единственная вытекающая из системы река называется *Кума*. Так же сложилось и с *Иовским водохранилищем* на границе с Мурманской областью – озёр в его составе много, а вытекает одна река *Иова*. К тому же с образованием водохранилищ реки, соединявшие некогда отдельные озёра, могли повернуть свои воды вспять, и в этом случае не всегда удаётся отследить логику истории образования таких гидронимов.

А вот Ладожское озеро (Нево) тоже не стало исключением из этого правила и получило такое же «общее» имя с рекой, возможно называвшейся изначально *Нива*.

Нива – довольно распространённое название рек в Карелии и Мурманской области, их не менее десятка. Произошло это название от саамского слова *нявв*, что означает – быстрина, пережат между порогами. Но, судя по большому количеству таких топонимов, древние саами стали применять это название не только для единичных пережатов, но и распространили его целиком на реки с быстрым течением и множеством пережатов. Думаю, петербуржцы согласятся, что такое название *Нива* – Быстрая вполне соответствует характеру их реки.

При этом может возникнуть вопрос – почему не *нява*, а *нива*?

Да, есть и река *Нявка* (*Нявга*), на территории Лапландского заповедника Мурманской области, все остальные находятся южнее и называются *Нивы*. *Ньявв* – это звучит на кильдинском, самом северном саамском диалекте, а ведь есть ещё три признанных диалекта только на территории русской Лапландии. И различия этих диалектов таковы, что лопари с разных частей Кольского полуострова не всегда хорошо понимали друг друга. А в целом у саамов насчитывается девять языковых диалектов.

И ударение в слове *Нева* было на первый слог, как положено у саамов, финнов и карелов. Но русский люд не любит ударение на первый слог. Вот был же всегда Мурманский берег, Мурманск, а как «понаехали», стал уже и Мурманск. Территориально более близкий пример – превращение острова *КИжи* в *КижИ*. Не исключена такая метаморфоза и с *Невой*. Ну а где *НивА*, там русскому слуху

милее будет уже и *НевА*. Хотя и не исключено, что слово *нива* на местном диалекте могло звучать как *нева*. Так, в монографии известного исследователя саамской топонимики Г.М. Керта «Саамская топонимная лексика», в Приложении № 2 (Петрозаводск, 2009, с. 121) понятие «стремнина» передаётся не только словом *njavv*, но и *newish*.

При этом надо понимать, что расхождение этих гидронимов по ударениям только способствовало ясности осознания их объектности – где река, а где озеро, вследствие чего со временем оба эти водоёма потеряли свои приставки «река» и «озеро», что вполне характерно для таких крупных водных объектов. «Правильное» ударение – на первый слог, осталось за озером, но, так как слово «озеро» среднего рода, а мы со школьной скамьи знаем, что такие слова оканчиваются на «о», то и озеро *Нива* (или *Нева*) со временем превратилось в *Нево*.

Надо заметить, что такие случаи смыслового разделения омонимов по ударениям (омографы) довольно распространены в русской речи. Примеры: *ворОны* (серые) и *вОроны* (чёрные), *муКА* и *мУка* и т.д.

Даже в современном языке можно наблюдать такой процесс становления лексического «размежевания». Давно ли мы узнали, что такое «информационная сеть»? Но уже сегодня, если мы слышим слово «сеть», наше подсознание ориентирует нас именно на это понятие, поэтому в современной речи всё чаще пропадает определение «информационная». Но ведь есть и другие сети: рыболовные, торговые и т.д. И живой русский язык находит возможность сориентироваться в этом многообразии сетей именно с помощью ударения.

Так, например, мы говорим: «нет сЕти» (рыболовной, торговой), но «нет сетИ» (информационной). Или: «мы наблюдаем в сЕти», но – «мы наблюдаем в сетИ». Вероятно, таким же образом для наших предков разрешился и вопрос использования субстратного омонима «*нева*» применительно к озеру или реке.

Ещё может возникнуть вопрос – а есть ли другие свидетельства обитания саамов на акватории *Невы*, как это удалось обнаружить на *Волхове*? Этот регион испытал ещё большее, чем на *Волхове*, воздействие более поздних культур на древнюю топонимику. Что тут говорить, если на *Неве* есть остров с названием *Главрыба*.

Но и здесь удалось найти неоспоримое свидетельство саамского присутствия: это приток *Невы* – река *Охта*.

Почему саамского, а не другого финно-угорского языка? Во-первых, одноимённые названия с основой «*охта*» имеются в местах исторического

проживания саамов на Кольском полуострове, а во-вторых, в финском, карельском и вепсском языках все похожие по звучанию слова имеют основу «юхт», которая понимается как что-то единое, целое. И первым должен быть звук «ю», но трансформация *юхты* в *охту* совсем маловероятна.

В саамском же языке понятие «объединение» начинается с «о» или «э» (*оххта, эххта*), а слово *эххтэ* вообще применяется для жидкой среды, т.е. переводится как слияние потоков. Поэтому, вероятнее всего, саамское название Охта эта река получила, как образованная слиянием двух других рек, и название это закрепилось далее по всей её длине до впадения в Неву. А объяснить начальный звук «о», а не «э» этого гидронима можно опять-таки различием диалектов. Почти все немногие саамско-русские словари в России, которыми мы пользуемся, основаны на кильдинском диалекте, присущем самой северной ветви лопарей Кольского полуострова. А вот уже чуть южнее, всего за сотню с небольшим километров, можно встретить и *Охтозеро*, и *Охтоканду* на озере Имандра.

Есть и другое объяснение, его можно найти в книге «Загадки карельской топонимики». Авторы, Г.М. Керт и Н.Н. Мамонтова, рассматривая этимологию названия Онежского озера, ссылаются на немецкого слависта М. Фасмера (Петрозаводск, 1982, с.69): «По его мнению, русские заимствовали это название в тот период, когда слова у них не могли ещё начинаться со звука «э», вместо него выступали «о» или «е»...».

Загадочное имя. Онега или Онего?

В начале статьи я утверждал, что топоформант «га» указывает на принадлежность водоёма к речному типу, но, казалось бы, Ладога и Онега (озеро) противоречат этому принципу. Надеюсь, что доводы, приведённые выше по Ладоге, убедительно подтверждают «речное» происхождение названия озера. А что Онега? Или Онего? Здесь тоже есть свои аргументы в пользу «речного» следа.

Если взглянуть на исторические карты, то можно обратить внимание, что озеро называлось то *Онежским*, то Онега, то Онего. Да ещё есть и довольно крупная река Онега в Архангельской области, относительно недалеко от берегов Онежского озера. Как во всём этом разобраться?

Проще начать с более понятного – наличия двух разных окончаний «а» и «о» в наименовании этого водоёма. Через «а» озеро называлось в более ранних картах и письменных источниках. Так, ещё в XIV в. появилось завещание Лазаря – основателя Муромского монастыря на берегу Онежского

озера. Источник утверждает: «А живущие тогда именовались около озера Онега «лопяне» и «самоядь» – страшливые сыроядцы близ места сего живяху...» (Ягодкин, 1918. с. 10). Но название Онега кем-то признаётся и в наше время. Ещё в 1980-х гг. в Петрозаводске на Октябрьском проспекте существовал специализированный рыбный магазин под названием «Онега». А вот в современной лексике в основном присутствует Онего – как средний род.

Думаю, что здесь должно быть объяснение, аналогичное приведённому мною в отношении названия Нево. Озеро – оно ведь оно?! Да и часто в интернете можно увидеть среди рыбаков и водников такое уважительное отношение – «Батюшко Онего». Ну что тут поделаешь – оно так оно.

Как я писал выше, такая трансформация «а» в «о» для Невы произошла из-за подсознательного стремления «разделить» общее название озера и его истока, когда они потеряли свои приставки река/озеро. Но ведь у Онежского озера и его единственного истока – Свири нет общего названия? Да, сегодня нет. Но я убеждён, что принцип единственного наименования для озера и его истока действует и в данном случае. Теорию «парности» применительно к озеру Онега(о) пытался развить и Г.М. Керт в «Загадках карельской топонимики» (Петрозаводск, 1982, с.69-71). Пытаясь как-то логически связать архангельскую Онегу с Онежским озером, он задаётся вопросом: «Однако правомерно ли и в названии озера – Онего – выделять тот же речной формант? Обычно одна и та же основа в названии реки и озера представлена в тех случаях, когда они непосредственно связаны, то есть когда река вытекает из озера или протекает через него... Река Онега отстоит от Онежского озера на много километров. Не имеем ли мы дело с разными по происхождению топонимами? ...Остаётся признать, что названия озера и реки, имеющие разное происхождение, совпали по звучанию».

Да, начавшийся правильно поиск разгадки привёл Георгия Мартыновича в тупик. А почему? Он выбрал в качестве пары к озеру ту, другую реку, только лишь потому, что она созвучна с озером. А если всё-таки предположить, что закон парности не нарушен? Можно ли утверждать, что современные названия этой пары – Свирь-Онега(о) были даны водоёмам изначально? Ведь есть же исторические факты смены названий. Как я уже говорил, это Балтика, Ладога, Сямозеро. Сюда же можно добавить и *Белое море (Студёное)*. Не буду приводить примеры более крупных морей, океанов – многие из них имели другие названия в разные времена. И в Карелии такие случаи не единичны: так, озеро *Кончезе-*

ро имеет ещё одно, ныне редко упоминаемое карельское название *Kendärvi*.

И в данном контексте возникает в первую очередь вопрос об истории происхождения названия реки Свирь. Почему-то все исследования на эту тему основываются на финно-угорском происхождении слова. Так, в Этимологическом словаре русского языка Макс Фасмер предлагает разгадку имени Свирь в схожем по звучанию слове *сювяярви*, что означает – глубокое озеро. Какая связь? Кто-то пытается найти ответ с помощью саамского языка. Но нет никакой схожести. И почему никто не ищет разгадку в более позднем периоде, когда здесь появились русскоязычные поселенцы?

А потому не ищут, что понимают – река получила своё имя значительно раньше – от протосаамов, или от саамов, но не в более поздний период, с приходом новгородцев.

Совершенно верно, но исходить в поиске истины надо не из того, что Свирь – это вечное название, а из принципа общности наименования пары река-озеро. Если применить этот принцип, то можно прийти к выводу, что изначально название этой пары – озера и его истока, судя по сохранившемуся топониму *онега*, зародилось из основы *оне*.

Почему Свирь не первичное название реки? Ну, хотя бы потому, что формант «га», ещё сохранившийся в исторической памяти применительно к названию озера, точно указывает на самое древнее, может даже протосаамское происхождение имени и реки, из него вытекающей. Так что же означает исходя из теории парности это название и почему произошла его замена на Свирь?

Итак, предположим, что в древние времена существовало озеро с названием, похожим на *Онеярви* (*явр*), вытекающая из него река *Онега*, и ещё недалеко, в соседней, Архангельской ныне области – тоже река Онега.

Довольно серьёзное исследование этимологии этого названия провела известный карельский учёный И.И. Муллонен в своей монографии «Название Онежского озера в контексте субстратной топонимии Обонежья». Она обоснованно считает, что название Онежского озера «входит в число наиболее загадочных на Европейском Севере».

Рассматривая предложенное финнами название *Яниненярви* (шумное, бурливое озеро) и интерпретируя это название с позиций вепсского языка, Муллонен всё же признаёт, что топонимическую основу этого слова надо искать в саамском языке и перевод может звучать как «большое озеро».

Действительно, в наиболее авторитетном на сегодня саамско-русском словаре под редакцией Р.Д.Куруч, основанном на кильдинском диа-

лекте, есть слово *еннэ* (много). Ирма Ивановна утверждает, что это современный перевод, а первоначальное значение было – «большой». Нельзя не согласиться с этим мнением. Для Онежского озера понятие «большое» вполне применительно, а вот предлагаемое финнами «шумливое-бурливое» ничего не характеризует – на всех больших водоёмах бывают шторма, чем Онежское озеро отличается в этом смысле (Петрозаводск, 2001, с.123-124)?

Далее И.И. Муллонен развивает тему происхождения параллельного названия озера – Онежское и считает, что звук «ж» был позднее добавлен к саамской основе через вепсский язык (*яяниж*) и таким образом появилась древнерусская основа *онеж*. Она считает, что «...основа *онеж* – первична – как это ни парадоксально с точки зрения русского формообразования – по отношению к *онег* (*Онего*), которая возникла как недостающее звено на фоне пар типа *Ладога-Ладожское озеро, Волга-Волжский*» (Петрозаводск, 2001, с.128).

Действительно, ещё как парадоксально! Понимая, что форманта «го» не существует, Ирма Ивановна пытается звук «г» отнести к основе слова, а оставшееся «о» представить как просто окончание.

Свирь-Онега

Выше я уже высказывал версию, как озеро Онега со временем превратилось в Онего. Но ведь «га» – это речной признак, почему же Онежское озеро получило «речное» название? Да по одной причине, что вытекающая из озера река Онега потеряла со временем это имя и стала называться Свирью. Как это произошло? Если рассматривать слово свирь с позиций лингвистики, складывается мнение о его славянском, более позднем происхождении, чем названия других рядом находящихся водных объектов, имеющих явные финно-угорские признаки. Да и в саамском и прибалтийско-финском языке не найти слов, начинающихся на «*св*», а концовка слова – «*рь*» присуща самой древнерусской лексике: *тверь, дверь, зверь, тварь, деверь, смурь, хмарь, дурь, глазурь, киноварь* и т.д.

Какова этимология слова «свирь»? В некоторых источниках говорится, что в древних новгородских рукописях река также имела название Сверь. Этот факт даёт повод искать понимание слова не только в звукосочетаниях «*св*» и «*сви*», но и «*све*». Какой смысл кроется в родственных словах: *свести, сводить, свить, связь, свайка, сворка, свиток, сварка, сверло*? Общий смысл всех этих слов – в понятии «скрепить», «соеди-

нить». Сверло как инструмент в те времена в основном применялось при изготовлении лодок – для сверления в досках отверстий, чтобы потом через них сшивать, скреплять, сводить доски между собой. Свайка – инструмент для сращивания канатов, сворка – поводок для нескольких собак, который держат в одной руке. А *свирь* применительно к нашей реке может означать понятие – свести, соединить между собой два озера – Онежское и Ладожское.

Вот тут сразу же хочется красиво перевести это название на современный язык. И что приходит на ум? Сводница, Скрепница, Соединительница, Связница... Как непрезентабельно звучит! Всё же Свирь – она и есть Свирь – лучше, чем предки, не назовёшь. И красиво, и кратко, и понятно, если хорошо вникнуть в этимологию этого топонима.

При этом на каком-то историческом этапе название Свирь стало дополнением к Онеге, т.е. река называлась *Онега-Свирь*, или наоборот, *Свирь-Онега*. Зачем это потребовалось? А вот зачем: существовали две реки, в Карелии и по соседству, в Архангельской области, названия которых для русского человека фонетически воспринимались одинаково – Онега, а надо ведь было как-то их различать?

Вот даже обе Двины, в десятки раз далее, чем наши Онеги, находящиеся друг от друга, стали со временем называть *Западной* и *Северной Двиной*. Да и смысл этих топонимов, наверно, уже давно был потерян. Так что одна река осталась Онегой, а другую стали называть Свирь-Онега, и никакой путаницы.

Логично, что с приобретением второго имени потребность в двойном названии реки отпала, и со временем река избавилась от ставшей уже лишней приставки и превратилась просто в Свирь.

Древние новгородцы, создатели новых топонимов, «убили сразу двух зайцев» – предоставили двум вроде бы одинаково называемым рекам разные имена, а заодно «разделили» озеро с его рекой, как Нева «разделилась» с Нево через новое название озера – Ладожское.

Кстати, в появлении названия Свирь напрашивается параллель с архангельской Онегой. Она вытекает из крупного озера *Лача*, в которое, в свою очередь, втекает река, соединяющая Лачу километров через сорок с ещё одним крупным водоёмом – озером *Воже*. Озеро Лача в этой водной системе – это как бы проточное озеро для реки Онеги, но вот этот участок, соединяющий два озера, называется не Онега, а *Свидь*! Может, эта Свидь тоже когда-то была Онегой? А этимология Свиди, как понятно из названия, возможна та же, что и у Свири.

Какое озеро больше?

Как было сказано выше, «большой» – это перевод саамского слова *еннэ*. Но я отношу это толкование к реке Онега (Эннега) в Архангельской области, а вот применительно к Онежскому озеру и его одноимённому истоку, исходя из саамского языка, более подходит понятие – «материнское». Мать по-саамски – *еннь*. Согласитесь, что звучит почти как *еннэ*, но разница в понимании значительная. Саамский язык очень сложный, и такие нюансы произношения могут существенно изменять смысл слова, но для лопарей эта фонетика была естественной и в общении им было вполне понятно, о какой реке идёт речь – Большой (Эннега) или Мать-реке (Энньга). Но пришедшим вслед за саами народам такой разницы в названиях уже было не уловить и не понять.

Переход же начального звука «э» в «о», как и в случае с Охтой, можно также объяснить различием диалектов в саамском языке или, как писал М.Фасмер, отсутствием в русском языке слов, начинающихся на «э», вследствие чего произошла замена на «о».

А какие основания назвать Онежское озеро Мать-озером, а реку Онегу – Мать-рекой? По сути, оно даёт жизнь всей этой водной системе, вплоть до Балтики. С него всё начинается. Это озеро, как мать-прародитель, через реку Онегу дало жизнь Ладоге, а та, в свою очередь, через Неву – Балтике. И такое название не вызывает удивления, потому что понятие «мать» применительно к географическим объектам встречается повсеместно у разных народов и во все времена (Киев – мать городов русских). А в древности у саамов это понятие также часто выражалось через слово *акъ* – женщина или баба, но не девушка – то есть мать – родительница. Так, известная гора на севере Карелии называется *Кивакка*, что значит – Каменная баба или Мать каменной, в Мурманской области есть озеро *Бабье* и, соответственно, вытекающая из него река *Бабья*, голый каменный остров на пути из Петрозаводска в Кижы – *Монак*, что может переводиться с финно-угорского как Земляная баба (*Маан-Акка*) и т.д. Да и вообще, как известно из археологии, культ женщины-матери или «бабы» в древности был широко распространён – от Европы до Китая. Уважаемая личность, одним словом, и наше Онежское озеро вполне достойно этого названия.

Приведу ещё один довод в пользу «материнского» происхождения названия озера. Представим себя на месте наших предков. В те далёкие времена не было ни карт, ни письменности, и в общении между собой людям надо было обозначить географический объект таким образом, чтобы сразу стало ясно,

о чём идёт речь. Предположим, стали бы они называть Онежское озеро Большим, как предлагают некоторые учёные. А так как это слово – прилагательное, то изначально оно ещё не было именем собственным, а только указывало на признак объекта, т.е. просто большое озеро, а не маленькое.

Но рядом находится ещё один очень большой водоём, и предкам в разговоре пришлось бы каждый раз уточнять: это какое большое? – из которого соединяющая их река вытекает или это то, в которое впадает река из «верхнего» озера? И при этом надо учесть немаловажный фактор, что Ладога больше Онеги почти что в два раза. Так что, если уж назвать озеро Большим, то резоннее было бы Ладожское. А имя Мать-озеро, в древнем значении начала, зарождения чего-либо, сразу чётко давало понять, о каком из двух великих озёр идёт речь. Ведь Онега – это «мать» Ладоги, а не наоборот.

Архангельская же Онега на имя «мать», как Онежское озеро, так убедительно не претендует. Что она родила? Белое море? Это уж слишком. Так что оставим за ней имя Большая. Действительно, река большая, полноводная, длинная, достойная этого имени.

Почему Онега, но не Ладога?

Теперь осталось домыслить, как название Мать-озера, а это звучало по-саамски как Еннь-явр (Энньявр), превратилось в Мать-реку (Энньга – Онега). Возможно, что в какой-то период озеро так и называлось – *Онеярви* или *Онеяр*, но, как я обратил внимание ранее, в Карелии названия озёр с окончанием *ярви-явр* практически все замещены на двуязычные, с русским переводом определяющей части, то есть на современные двухосновные названия местных озёр, где, как правило, определяющий компонент – русское слово «озеро», а определяемый – финно-угорское, которые звучат как *Топозеро*, *Сегозеро*, *Пяозеро* и т.д.

Но произносить русскому человеку *Онеозеро* тоже как-то косноязычно получается. Вот здесь, наверно, и появилось более удобопроизносимое название – Онежское озеро, т.е. озеро, принадлежащее реке Онеге. Таким же образом возникли и названия других озёр в форме имени прилагательного, а не существительного – *Ладожское*, *Волжское*. Так что парадокса, о котором говорит Ирма Ивановна Муллонен, здесь никакого нет. Так же формируются имена прилагательные и от других гидронимов, оканчивающихся на «га»: *пинежский*, *ветлужский*, *елабужский*, *свияжский* и т.д. Если следовать логике Муллонен, что прилагательное онежский образовалось от основы *янеж*, тогда основой в вы-

шеперечисленных примерах должны быть: *ладож*, *волж*, *пинеж*, *ветлуж*, *елабуж*?

Превращение Онежского озера в Онегу, вернее, появление второго, краткого названия, можно объяснить по аналогии с Ладогой, когда первоначально, не считая Нево, озеро было Ладожским, а только потом, для краткости, стало параллельно называться Ладогой. Ведь не могли же в момент формирования имени сразу назвать озеро городом? Тогда и *Псковское озеро* могли бы назвать просто – *Псков*, и *Московское море*... Так и Онега – сначала Онежское озеро, а позднее Онега.

Поэтому и озеро Онега сначала называлось Онежским озером, а уже позднее – Онегой, приняв на себя канувшее в Лету имя реки. При этом надо обратить внимание, что озёра, не имеющие парного названия с вытекающей рекой, не имеют и второго, «прилагательного» наименования. Ведь не существует же озёр, именуемых как *Селигерское*, *Ильменское*, *Таймырское*, *Имандровское* и т.д.

Данное рассуждение из области филологии наводит ещё на одну простую мысль: мы как-то не задумываемся, почему называем озеро Онежским. А ведь это прилагательная форма и подразумевает принадлежность чему-либо, если только это не характеристика водоёма, как *Белое*, *Чёрное море*, *Тихий океан*.

Так, Балтийское море принадлежит балтам, *Финский залив* – финнам, *Чудское озеро* – чуди, *озеро Нево* – реке Нева, *Рыбинское водохранилище* – городу Рыбинску, *Ладожское озеро* – городу Ладоге.

А чему или кому принадлежит Онежское озеро? Народу онегам? Не было такого народа. *Городу Онеге*? Да, есть такой город на Белом море, но связи с нашим озером никакой. Остаётся только один вариант – озеро Онежское принадлежит реке Онеге. Значит, река с таким именем существовала и местоположение у неё единственное – это та же река, которая сегодня называется Свирь!

Может возникнуть вопрос – кто кому дал имя: река озеру или наоборот? Если рассуждать с позиции древнего человека, становится ясно, что реки, как средства коммуникации, продвижения на новые места, всегда были важнее. Хорошим тому подтверждением является пара Нева-река и Нево-озеро. Не могли же озеро назвать Быстрым? Нево названо по реке. Да и рек, имеющих «прилагательное» к озеру название, что-то не припоминается. А в случае с озером и рекой Онегой, хоть водоёмы и имеют общую основу в названиях – мать (*эннь/оннь*), наличие прилагательной формы в названии озера также даёт по-

нять, что вначале получила имя река, а озеро – позднее или почти одновременно. И понятие «мать» по отношению к реке не менее достойно, чем к озеру. Логический смысл при этом совсем не теряется: Мать-река (Онега) и Материнское (Онежское) озеро.

Превращение имени Онега в Онего я уже пытался объяснить стремлением к гармонизации имени озера со средним родом самого слова «озеро». Но почему так не произошло с Ладогой и название озера осталось в женском роде? Согласно этой логике, озеро должны тоже звать *Ладого*.

Думаю, что здесь кроется вполне практичный смысл. Во времена, когда река Свирь ещё носила название Онега, население, вместо Онеявр и Онеозеро, уже пыталось применить к озеру более удобную, краткую форму наименования, но чтобы не путать с рекой, заменили окончание на «о», что было созвучно со словом «озеро». Тем более что древнее окончание «га», как речной признак, уже давно не воспринималось. Так что все были довольны сложившимися названиями: Онега – это она, река, Онего – это оно, озеро.

А для Ладоги такой необходимости не было, так как река Ладога превратилась в Ладожку и названия реки и озера уже не «путались». Общее же название с городом тоже неудобств сильно не доставляло – в общении это были разные смысловые понятия.

Здесь уместно привести ещё один пример из истории образований топонимов. В Тверской области в своём верхнем течении река Волга, беру-

щая начало из родника, протекает через цепь нешироких озёр, имеющих сегодня общее название *Верхневолжское водохранилище*. Эти озёра, какие можно представить как плёсовые участки реки, имеют свои названия. Так вот, один из них называется *Волго*. Наверно, этот самый крупный плёс в своё время тоже имел, как и протекающая через него река, имя Волга, но, чтобы не путать его с рекой, придумали персонифицировать название. А как иначе сказать: «пошёл на Волгу порыбачить?» На какую – на ту, что река или озеро? Отождествление названия с понятием «озеро» дало возможность быстрой идентификации объекта. Куда пошёл – на Волго, – а ты? – на Волгу.

Название Онего (Онега), также, как и Ладога, образовавшееся со временем как краткая, удобная форма, уже в нашем сознании никак не связывается с рекой и просто звучит красиво. И может, даже хорошо, что мы не понимаем их истинный и давно забытый смысл. Но ведь согласитесь – хотелось бы понять, не так ли?

Р. С. Онежское озеро я называю Онега, женским именем.

А что?

Она Озеро-Мать всё-таки, а не Батюшко – Онего!

**Выделения в тексте
сделаны автором.**

Сергей Борисович ВАСИЛЬЕВ

родился в 1955 году в Мурманской области.

Окончил Петрозаводский университет по специальности «инженер-строитель», работал в г. Апатиты.

За время жизни в Мурманской области неоднократно публиковался в региональных периодических изданиях.

После переезда в 1993 году в г. Петрозаводск активно изучал кольские топонимы и топонимы Карелии.

В Карелии получил второе, высшее экономическое образование, имеет звание «Заслуженный экономист Республики Карелия».

Последние 16 лет трудовой деятельности был руководителем карельской статистики (Карелиястата).

С 2021 года находится на заслуженном отдыхе.

В журнале «Север» публикуется впервые.

